

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Северная секция Научного совета по исторической демографии и
исторической географии РАН

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ И РЕГИОНОВ

Межрегиональный научный сборник

**Выпуск 2:
Динамика численности городского
и сельского населения России**

Сыктывкар
2018

УДК 314.148

ББК 60.7

Д31 Демо

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ И РЕГИОНОВ.
Межрегиональный научный сборник. Выпуск 2: **Динамика численности городского и сельского населения России.** Сыктывкар, 2018. 160 с.
ISBN 978-5-906394-44-6

Настоящий сборник научных трудов продолжает серию публикаций, посвященных актуальным и малоисследованным проблемам демографической истории России и ее регионов. В сборник вошли статьи исследователей из Владивостока, Новосибирска, Ростова-на-Дону и Сыктывкара, посвященные главным образом динамике численности городского и сельского населения России. Материалы сборника адресованы научным работникам, преподавателям, аспирантам, краоведам и всем, кто интересуется проблемами исторической демографии.

УДК 314.148

ББК 60.7

Редакционный совет серии:

чл.-корр. РАН В.А. Ламин, д-р ист. наук Е.Т. Артемов, д-р ист. наук И.Л. Жеребцов, д-р ист. наук В.Б. Жиромская, д-р ист. наук А.Е. Загребин, д-р ист. наук В.А. Зверев, д-р ист. наук В.А. Исупов, д-р ист. наук Г.Е. Корнилов

Редколлегия:

И.Л. Жеребцов (отв. редактор), Н.М. Игнатова (отв. секретарь), Е.Ф. Кринко, В.И. Меньковский, Т.С. Садыков, М.В. Таскаев, В.В. Фаузер, М. Шмигель

Рецензенты:

профессор Сыктывкарского государственного университета
им. П. Сорокина д.и.н. В.А. Семенов
главный научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН д.г.н. В.И. Силин

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Этнодемографические процессы у финно-угорских народов Европы в Средневековье и Новое время в контексте изменений климата».

ISBN 978-5-906394-44-6

© ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018

© Авторский коллектив, 2018

Т.С. Лыткина, В.В. Фаузер¹

**Трансформация семьи и гендерных ролей в России:
прошлое и настоящее²**

Данная статья посвящена анализу гендерных отношений в семье в условиях глобализации. Основной фокус сосредоточен на попытке переосмыслить современные гендерные проблемы в России. «Освободившись» от однозначной критики реального социализма, мы пытаемся раскрыть противоречия, возникшие между модернизацией семьи и реализацией гендерных ролей в современной России, и показать, что в условиях новых форм эксплуатации и социального исключения женский вопрос не утратил своей актуальности. Основная гипотеза статьи строится на предположении, что рыночные условия хозяйствования и глобализационные процессы в постсоветском пространстве ослабляют значимость заботы, разрушают интересы различных социальных групп, связанные прежде системой взаимных обязательств и представляют интересы «избранных». Распространение практик индивидуального эгоизма входит в противоречие с проявлениями любви и заботы – ценностями, свободными от меркантильных установок. Ситуация в России усугубляется отсутствием развитого гражданского общества и разочарованием постсоветских женщин предложенной советским режимом альтернативы гендерного равенства.

Ключевые слова: Россия, семья, гендерные роли, равенство, забота, глобализация, потребление

¹ **Лыткина Татьяна Степановна** (Сыктывкар) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления, ФГБУН Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, 167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: tlytkina@yandex.ru; **Фаузер Виктор Вильгельмович** (Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела социально-экономических проблем, заведующий лабораторией демографии и социального управления, ФГБУН Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, 167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: fauzer@iespn.komisc.ru; <http://vvfauzer.ru>.

² Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России» (№ ГР АААА-А16-116021210329-2, 2016-2018 гг.).

Transformation of family and gender roles in Russia: past and present

This article is devoted to the analysis of gender relations in the family in the context of globalization. The main focus is on revealing the contradictions that arose between the modernization of the family and the implementation of gender roles in modern Russia. The paper shows that under the conditions of new forms of exploitation and social exclusion, the women's issue has not lost its relevance. The situation in Russia is aggravated by the lack of a developed civil society and disappointment of post-Soviet women with the alternative to gender equality proposed by the Soviet regime.

Keywords: *Russia, family, gender roles, equality, care, globalization, consumerism*

Введение. Идея настоящей статьи возникла в результате обсуждений сотрудниками лаборатории демографии и социального управления гендерных проблем и их решений в России в различные исторические периоды. Стало ясно, что российские социологи по-прежнему переживают избыточный оптимизм по поводу становления рынка в России, мало учитывают женский опыт решения повседневных проблем, а развитие российской гендерной теории страдает заимствованием западных концепций. Между тем увлеченность гендерными исследованиями российскими учеными не приводит ни к формированию нового концептуального аппарата, ни к новым методам анализа. Гендерные исследования во многом стали неудачной версией филологии – без своей школы, без своей критики, без своих академических стандартов и своих оригинальных исследований. В политическую сферу гендерные исследования не вышли, а академически интересными для других теоретических полей им стать не удалось [26].

Данная статья не предлагает новых концепций или теорий, наша задача более скромная. Мы попытаемся переосмыслить советские гендерные практики как через критику реального социализма, так и капитализма, формирующего на принципах свободных рыночных отношений. Это, на наш взгляд, могло бы обозначить новые значимые исследовательские перспективы и продемонстрировать возможность теоретического прорыва в российской гендерной социологии.

Основная гипотеза статьи строится на предположении, что рыночные условия хозяйствования и глобализационные процессы в постсоветском пространстве ослабляют значимость заботы, разрушают интересы различных социальных групп, связанные прежде системой взаимных обязательств и представляют интересы «избранных». Распространение практик индивидуального эгоизма входит в противоречие с проявлениями любви и заботы –

ценностями, свободными от меркантильных установок. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть нашу гипотезу мы вынуждены обратиться не только к советскому прошлому, но и к традиционному обществу.

Традиционное общество: патриархат, власть, забота. В научных трудах достаточно убедительно показано, что во многих культурах – с разной скоростью и разными последствиями – происходит разрушение традиционных семейных моделей, основанных на разветвленных родственных связях [9]. В рамках данной статьи мы не будем подробно останавливаться на противоречиях традиционной семьи, ее преимуществах и недостатках. На данную тему существует немало работ. Однако отметим, что положение женщины в традиционной культуре рассматривается как исключительно подчиненное [8]. Но при этом часто признается высокий статус женщины-матери, властные ресурсы старшей женщины в семье и их заинтересованность в воспроизводстве патриархатных устоев. В традиционном обществе с возрастом предоставляется возможность управлять домашней сферой и организовывать ее, иметь подчиненных (младших женщин), навязывать свою волю в решении семейных проблем и быть инициатором в поисках новых членов семьи (жен для своих сыновей) [18; 20; 19].

Разветвленная сеть родственных отношений традиционного общества чаще всего рассматривается как выстроенная система контроля за женской сексуальностью, основанная на режиме запретов и отсутствия свободы принятия решений [24; 25; 9]. Исследователями, как правило, игнорируется рациональная часть организационного устройства локальных сообществ, развившаяся в женской солидарности ведения домашнего хозяйства и заботе родственников в решении повседневных проблем семьи, особенно молодой [16]. Статус женщины связан с экономическими и социальными отношениями в обществе и местом семьи в общественном устройстве.

Между тем с разрушением социальных связей родственная поддержка начинает снижаться, в то время как подчиненное положение и контроль за женской сексуальностью усиливается. Меняются «социальные смыслы»: уважительное отношение младших к старшим как проявление ценности уважения к пожилому человеку все чаще вытесняется представлениями подчинения. Как и навязывание воли родителей в определении жизненного пути детей больше не воспринимается как забота старших о подрастающем поколении. Мужские и женские сферы проявления заботы, отличающие друг от друга, подвергаются трансформации. Новая социальная реальность предоставляет новые возможности проявления мужественности и сопровождается отчуждением мужчины от домашнего хозяйства. Сохраняя за мужчиной обязанность в обеспечении семьи, сообщество снимает с него другие виды ответственности за семью и перекладывает на плечи женщин [21]. Проблема родовых властных отношений решается через перераспределение власти

между поколениями (между мужчинами). Перераспределение власти внутри рода приводит к формированию нуклеарной семьи, но к сохранению подчиненного положения женщины мужчине. Более того, со снижением значимости домашнего хозяйства и постепенной трансформации его из сферы производства в сферу потребления снижается и статус женщины. Вместо «расстворения» личности в домодерных культурах [12], поддерживающих ценности коллективной жизни, приходит современность, основанная на ценностях индивидуализма. Представление о женщине, прежде воспринимаемое как «дар» [22, с. 102], уходит в далекое прошлое и утрачивает практический смысл.

Большинством исследователей подчеркивается, что современный гендерный порядок в России унаследовал традиции советского прошлого, а российский рынок далек от цивилизованных рыночных отношений. На наш взгляд, это дает прекрасную возможность еще раз критически переосмыслить политику советского государства по отношению к женщине и мужчине, определить природу современных проблем взаимоотношений между полами и установить их зависимость, связанную с глобальным переустройством мира, сформированного на ценностях рыночного фундаментализма.

Советское прошлое: «замужем за государством». Для большинства стран мира равноправные отношения стали результатом феминистских движений. Попытка достижения гендерного равенства была предпринята в России Октябрьской революцией 1917 г. Сформированный советский гендерный порядок, как правило, считают этатрастическим, в котором основным агентом формирования гендерных отношений является государство. Ретроспективный анализ советского прошлого связан в основном с поиском прагматических подтекстов государственной политики, сводимым к мобилизации дешевых трудовых ресурсов для строительства нового государства, в результате которого женщина оказалась перегружена работой дома и на производстве. С чем невозможно не согласиться. Основная гендерная критика заключается в принудительном регулировании женской занятости, вмешательством государства в личную жизнь и контролем над репродуктивными функциями [33; 7]. Признается государственная защита института материнства, сводимая к критике (вос)производства традиционного распределения гендерных ролей. Отмечается высокое участие женщин в общественно-политической сфере, в которой они были лишены политической инициативы и возможности защиты своих прав. Диссидентское движение хотя и существовало, но никогда не озвучивало феминистских ценностей и интересов, альтернативных партийным¹ [15].

Нормативно мужчина оставался на пьедестале как в публичной, так и в семейной жизни. Роль женщины, несмотря на активное вовлечение в сис-

¹ Они озвучивали традиционные ценности, предлагая политику культурного признания различий и возвышения идеальной женственности через религию.

темую занятости, оставалась второстепенной. Но нельзя отрицать и то, что приобретенный статус «советской женщины» действительно расширил возможности ее участия в жизни общества. В 1940 г. доля женщин в общей численности рабочих и служащих, занятых в общественном производстве России, составляла 41%, в 1965 г. – немногим больше половины – 51, в 1970 – 53, в 1980 г. и в 1990 г. – 52%. В перерасчете на занятых в общественном труде женщин трудоспособного возраста их число составляло более 85% [37, с. 88]. Специальная государственная поддержка стимулировала включение женщин в сферу занятости и минимизировала влияние половых различий на трудовую карьеру [32].

За короткое историческое время значительно повысился уровень образования всего населения. В 1959 г. в России в пересчете на 1000 чел. имели высшее и неполное высшее образование 39 чел., в том числе 45 мужчин и 34 женщины. К 1989 г. уровень образования значительно вырос, высшее и неполное высшее образование имели 130 чел. Различие между полами стало не существенным: у мужчин соответствующее образование имели 134 и женщин 126 чел.

Повышение образовательного уровня, вовлечение в экономику и общественную жизнь обеспечило женщине экономическую независимость от мужчины. Женщине в семье было предоставлено право не только ведения и организации домашнего хозяйства, но и планирование семейного бюджета. Согласно социологическим исследованиям только 13% мужчин кормильцев распоряжались заработанными деньгами самостоятельно¹ [11; 14].

Социальная политика советского государства девальвировала институт отцовства [3; 4; 29; 30]. Право получать детские пособия, использовать отпуск по уходу за ребенком, выходить на больничный имели исключительно женщины. Поощрения за многодетность распространялись исключительно на матерей. В случае развода практически всегда дети оставались с матерью, как и имущество семьи [2].

Между тем возможности реализации мужчины в роли кормильца оказались ограничены, а набор предъявляемых требований, как к мужу и отцу семейства, со стороны общества минимален. В отличие от женщин им не пришлось осваивать женские виды занятий в общественном производстве. А развернутая политика вовлечения женщин в производство не предполагала политики вовлечения мужчин в домашнее хозяйство, что могло бы способствовать установлению некоторого баланса в распределении семейных

¹ Исследование проведено в апреле 1998 г. в четырех российских городах: Самаре, Кемерово, Люберцах и Сыктывкаре (№ 4023 домохозяйств и 5948 индивидов) (подробнее: [5]). Кроме вопросов по проблемам занятости, опросник включал вопросы о гендерном распределении ролей, которые на момент исследования отражали советский гендерный порядок.

обязанностей и выполняемых работ. Большинство мужчин (особенно городских) оказались практически отстранены от обязанностей и их труд по дому оценивался как менее квалифицированный [6]. Даже сохранение функции основного кормильца в семье определялось трудоцентристой идеологией и ответственностью государства за качество жизни населения. Низкие потребительские стандарты и модель «двойного кормильца» позволяли поддерживать уровень жизни семьи, характерный для большинства населения страны [17]. При сохранении традиционных представлений о мужском приоритете в обеспечении семьи материальными благами на практике происходила эрозия данной роли. Результат: кризис гендерной идентичности мужчины и высокая ответственность женщины за ведение домашнего хозяйства [27; 17; 7; 34].

На нереализованные гендерные ожидания со стороны мужчин женщины ответили рождением детей вне брака и инициативой в разводах. Следствием стало то, что к концу 1980-х – началу 1990-х гг. в стране сложилась довольно развитая система пособий и льгот для одиноких матерей, в совокупности с разветвленной социальной структурой детских учреждений у женщины появилась возможность самостоятельно воспитывать детей [13, с. 63], чем они и воспользовались, довольно часто отказываясь от помощи со стороны отца ребенка.

Несмотря на то, что в основе создания «советской семьи» лежали взаимоотношения полов, ориентированные на эмоциональную привязанность, взаимную симпатию и любовь, семейные отношения строились не на определении точек соприкосновения интересов между супругами, диалоге равных возможностей и справедливом распределении обязанностей, а традиционных представлениях о труде по половому признаку. К концу 1980-х гг. государством осознается необходимость пересмотра сложившихся семейных отношений. Большое значение приобретают образовательные и просветительские мероприятия в стране. В программу средних общеобразовательных школ в качестве обязательных уроков вводится предмет «этика и психология семейной жизни» для учащихся старших классов. На данных уроках прививаются чувство ответственности к семейным ценностям, бережное отношение к девочкам, почтительное – к женщинам, матерям и пожилым людям. Однако вскоре эти программы были свернуты, так и не успев оказать влияние на саму модель семьи. На повестку дня были подняты вопросы демократии и перестройки общества, а проблемы гендерных отношений «задвинуты в дальний ящик».

На наш взгляд, несмотря на определенные минусы, советское государство действительно совершило прорыв в решении проблем гендерного равенства, но нельзя отрицать и другое, что предложенный «половой контракт» не был результатом обсуждений в обществе. Государство, взяв на себя единичную ответственность за благосостояние своих граждан, ограничило ини-

циативу самих граждан в поисках способов ее решения. Это в свою очередь резко снизило возможности решения гендерных проблем в позднесоветский период и способствовало росту недовольства критически настроенной части населения. В то время как положительные результаты вмешательства государства до сих пор игнорируются.

Российский рынок: на пути к свободе, равенству и любви? Если основная критика советского прошлого заключается в том, что женщина лишилась выбора между возможностью работать или не работать, иметь семью или делать карьеру, то насколько реализованы возможности самореализации сегодня? Какие противоречия между полами остаются за рамками обсуждений? Что провоцирует сегодня уровень разводов и рождение внебрачных детей?

Анализ статистики за последние шесть десятилетий показывает отсутствие четко выраженной динамики в уровне браков и разводов. Интенсивность заключения браков и разводов то снижалась, то вновь увеличивалась. В 1960 г. наблюдалось максимальное число заключенных браков – 12,5 на 1000 чел. при минимальном уровне разводимости – 1,5 на 1000 чел. Достигнув своего максимального значения в 2002 г., уровень разводов – 5,9 – начал постепенно снижаться. В 2016 г. на 1000 чел. населения приходится 4,1 разводов. Последний максимум количества заключенных браков имел место в 2011 г. В последующие годы интенсивность заключения браков постоянно снижалась. Относительно удельного веса детей, родившихся вне брака, следует отметить, что минимальным он был в 1970 г. – 10,6%, своего максимума он достиг в 2005 г. – 30,0%, а затем стал плавно снижаться (табл.1).

Таблица 1

Абсолютные и относительные данные о браках, разводах и детях, рожденных вне зарегистрированного брака в Российской Федерации за 1960–2016 гг.

Годы	Браки	Разводы	На 1000 человек населения		Удельный вес детей, родившихся вне зарегистрированного брака, %
			браков	разводов	
1960	1499581	184398	12,5	1,5	13,1
1965	1097585	231389	8,7	1,8	13,0
1970	1319227	396589	10,1	3,0	10,6
1975	1495787	483825	11,1	3,6	10,7
1980	1464579	580720	10,6	4,2	10,8
1985	1389426	573981	9,7	4,0	12,0
1990	1319928	559918	8,9	3,8	14,6
1995	1075219	665904	7,3	4,5	21,1
1996	866651	562373	5,9	3,8	23,0
1997	928411	555160	6,3	3,8	25,3

Годы	Браки	Разводы	На 1000 человек населения		Удельный вес детей, родившихся вне зарегистрированного брака, %
			браков	разводов	
1998	848691	501654	5,8	3,4	27,0
1999	911162	532533	6,2	3,6	27,9
2000	897327	627703	6,2	4,3	28,0
2001	1001589	763493	6,9	5,3	28,8
2002	1019762	853647	7,1	5,9	29,5
2003	1091778	798824	7,5	5,5	29,2
2004	979667	635835	6,8	4,4	29,8
2005	1066366	604942	7,4	4,2	30,0
2006	1113562	640837	7,8	4,5	29,2
2007	1262500	685910	8,8	4,8	28,0
2008	1179007	703412	8,3	4,9	26,9
2009	1199446	699430	8,4	4,9	26,1
2010	1215066	639321	8,5	4,5	24,9
2011	1316011	669376	9,2	4,7	24,6
2012	1213598	644101	8,5	4,5	23,8
2013	1225501	667971	8,5	4,7	23,0
2014	1225985	693730	8,4	4,7	22,6
2015	1161068	611646	7,9	4,2	21,6
2016	985836	608336	6,7	4,1	21,1

Негативные демографические тенденции объясняются кризисом института семьи. Одни исследователи связывают это с переходом к новым формам брачно-семейных отношений. Другие обращают внимание на то, что в глобальном мире потребления семейные ценности сдают свои позиции, поскольку на первый план выдвигается индивидуальный успех и идет жестокая конкуренция за его достижение [9].

На наш взгляд, основная проблема кризиса института семьи лежит в сохранении традиционных представлений о гендерных ролях в совместной жизни. С одной стороны, мы по-прежнему наблюдаем сохраняющуюся гендерную сегрегацию на рынке труда и испытываем уровень «стеклянного потолка», контролируемый мужчинами, а с другой – организацию домашней сферы, контролируемую женщинами, через которую они пытаются компенсировать свои низкие заработки. В потребительском обществе при возрастании роли материальных ценностей домашний труд женщины продолжает обесцениваться и уравновесить баланс властных отношений в семье становится сложнее.

В то же время, учитывая, что процессы трансформации рынка труда протекают не в пользу женщин, то и возможности их профессиональной самореализации снижаются. Женщин вдвое меньше среди руководителей различных уровней и втрое их меньше среди руководителей высшего звена [10]. Из 85 субъектов Российской Федерации только в четырех посты губернаторов занимают женщины: в Забайкальском крае, Владимирской и Мурманской обл., в Ханты-Мансийском автономном округе¹. Согласно официальной статистике, удельный вес женщин среди руководителей (представителей) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей организаций, в 1999 г. составил 36%, в 2005 г. и 2011 г. – 40% и в 2015 г. – 39%. По мнению Юрчак, современный российский бизнес сохраняет практики дискриминации женщины на рынке труда и ведет к воспроизводству иерархий и стереотипов, основанных на мужском превосходстве [31]. Сохраняется гендерная сегрегация рынка труда, как и гендерный разрыв в заработной плате. Так, отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин в 2005 г. составило 60,7%. В 2015 г. разрыв существенно сократился, но по-прежнему оставался существенным – 72,6%. По видам экономической деятельности в 2015 г. он был минимальным в строительстве – 90,2% и в образовании – 93,9%. Но при этом удельный вес женщин в строительстве практически минимальный² и составил всего 14,0%, а в образовании, напротив, удельный вес женщин достигал 82,1% (табл. 2).

Таблица 2

Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин по видам экономической деятельности в Российской Федерации в 2005-2015 гг., %*

Вид экономической деятельности	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2015 г.
Всего	60,7	63,1	65,3	64,0	74,2	72,6
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	–	–	–	–	83,5	86,2
Добыча полезных ископаемых	70,2	75,9	76,8	74,6	76,2	73,7

¹ Для сравнения: среди действующих глав государств и правительств – 21 женщина. Среди действующих министров обороны в 15 государствах – женщины: Бангладеш, ЮАР, Нидерланды, Никарагуа, Кения, Албания, Норвегия, Германия, Италия, Босния и Герцеговина, Словения, Австралия, Испания, Республика Македония, Франция.

² Самое низкое представительство женщин по группам занятий среди операторов, аппаратчиков, машинистов установок и машин (1999 г. – 11%, 2005 г. – 13%, 2015 г. – 10%). Незначительна доля женщин среди квалифицированных рабочих промышленных предприятий, строительства, транспорт, связи, геологии и разведки недр (1999 г. и 2005 г. – 24%, 2015 г. – 19%).

Вид экономической деятельности	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2015 г.
Обрабатывающие производства	67,1	67,6	69,4	70,1	74,5	76,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	80,0	81,2	82,2	82,9	83,2	84,1
Строительство	77,0	79,2	86,3	85,8	84,5	90,2
Гостиницы и рестораны	75,4	72,9	72,0	76,1	80,6	78,3
Транспорт и связь	70,5	70,0	70,2	72,0	75,2	75,4
Образование	87,1	89,3	86,3	89,0	99,0	93,9
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	84,6	85,1	83,3	83,3	90,8	86,2
Деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта	65,2	63,5	60,7	54,2	76,2	72,8

* По данным выборочных обследований.

Женщины, сталкиваясь с трудностями поиска высокодоходной работы и карьерного роста, вынуждены соглашаться на экономическую зависимость от своих мужей. Все чаще доминирует точка зрения, что образ мужчины-кормильца, мужчины-спонсора приобретает для женщины притягательную силу [23, с. 131]. Однако женщины, как и прежде, не спешат оставить рабочие места и стать «счастливыми домохозяйками» (термин Хоткиной) [28]. Они по-прежнему занимают весомую долю в общественном производстве (49%). Сохраняющиеся социальные стимулы женской занятости начинают сдавать позиции перед возможными материальными вознаграждениями, способными смягчить уровень экономической зависимости от мужей и с наименьшими издержками удовлетворить возросшие стандарты жизни и уровень потребностей семьи. Это особенно актуально в периоды экономических кризисов при падении реальных денежных доходов населения.

Изменился механизм патриархатного доминирования. Теперь сами женщины-профессионалы, бизнес-леди, ориентированные на успех, в условиях рыночной экономики обслуживания включились в сложную и запутанную сеть невидимых форм эксплуатации, как правило, связанных с коммерциализацией заботы, выполняемыми женщинами с более низким статусом. Примечательно, что в отношении заботы женщина-мужчина, женщина всегда представлена в подчиненном положении. В дискуссиях коммерциализации заботы в отношении женщина-женщина, обслуживающая женщина наделяется властью и «выходит из тени подчинения», что далеко не всегда

соответствует действительности, поскольку сохраняются классовые позиции, не в меньшей степени определяющие отношения доминирования и подчинения. Однако данная проблема, как и вопросы самореализации женщины с низким профессиональным статусом в сфере услуг, остается за рамками общественных дискуссий и исследовательских задач ученых.

Страны Западной Европы также на первоначальном этапе поиска гендерного равенства (к слову, как и советское государство) концентрировали свое внимание на то, в какой степени женщины интегрированы в сферу занятости. И только в последнее время акценты в поддержке гендерного равенства сместились в сторону реализации родительских практик (что по-прежнему остается за рамками российской практики гендерных отношений) [1]. В современном мире предлагается распространение практик гибкой и частичной занятости, позволяющих мужчинам и женщинам осуществлять баланс оплачиваемого труда и домашних работ/забот. При этом основные нагрузки по воспитанию детей остаются женскими [40; 36], а большинство государств по-прежнему заинтересованы и прикладывают усилия для мобилизации женских трудовых ресурсов в общественное производство. Как в Западной Европе, так и в России занятость является определяющим фактором реализации современной женщиной своих потребностей в материальном благополучии и общественном признании. В то время как сфера материнства или отцовства остается без социального признания. Иными словами, в современном мире предлагается только одна сфера реализации человека себя как личности – занятость. Реализация в качестве родителя стигматизируется. О каком тогда выборе может идти речь?

В заключении отметим, что сфера занятости, требующая постоянной концентрации усилий, вытесняет частную жизнь (семью и дом) на периферию [38; 39; 9]. Россия не исключение. Семья начинает восприниматься как бремя, а «время для эмоций» становится роскошью, доступной немногим. Забота, внимание, любовь в мире индивидуального успеха и потребительства остается востребованной в условиях жизненных кризисов людей, но в результате их недооцененности происходит отчуждение человека от данной нравственной категории и желающих делиться ею становится все меньше [32; 35]. В наиболее уязвимом положении остаются женщины, от которых ожидается доброжелательность, умение сглаживать конфликты, поддерживать мужчину на пути к успеху, ухаживать за старшими родственниками и маленькими детьми, создавать комфорт и уют, предугадывать чувства близких. Эмоциональная сфера обслуживания вышла за пределы домашней, но не перестала быть женской. В то же время в мире индивидуального успеха женская работа менее оплачиваемая, а статус женщины остается, как и раньше, низким.

Источники и литература

1. Бороздина Е.А., Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Как распорядиться «материнским капиталом» или граждане в семейной политике. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/11/12/1251376529/Borozdina.pdf> (дата обращения: 10.07.2017).
2. Буравой М., Кротов П., Лыткина Т. Жилищная стратификация города: рыночная эволюция советской модели. Сыктывкар, 2003.
3. Голод С.И. Социология семьи и брака: историко-социологический анализ. СПб., 1998.
4. Гурко Т. Критика концепции половых ролей. Применение феминистской теории к анализу супружества и родительства // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций. М, 2001.
5. Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России / Под ред. В. Кабалиной и С. Кларка. М: РОССПЭН, 1999.
6. Здравомыслова Е., Темкина А. История и современность: гендерный порядок в России // Гендер для «чайников». М.: Звенья, 2006. С. 55–84.
7. Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб., 2007.
8. Здравомыслова Е., Темкина А. Ушел ли в прошлое патриархат? Специфическая власть слабого пола // Гендер для «чайников»–2 / Под ред. И. Тартаковской. М.: Звенья, 2009. С. 25–43.
9. Здравомыслова О. Семья: из прошлого в будущее // Интернет-конференция «Гендерные стереотипы в современной России», 01.05.06-07.07.06. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/281530.html>. 8 (дата обращения: 05.06.2017).
10. Козина И. Работающие матери. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/12/25/kozina/>
11. Козина И. Что определяет статус “кормильца” семьи? // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 83–90.
12. Курильски-Ожвэн, Шанталь. Русская культурная модель и эволюция нормативного регулирования семьи // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 155–168.
13. Лунякова Л. «Чем мужика кормить, лучше ребенка воспитывать одной»: социальный портрет материнских семей // Семейные узы: Модели для сборки: Сб. статей. Кн. 2 / Сост. и ред. С. Ушакин. М., 2004.
14. Лыткина Т.С. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 85–91.
15. Лыткина Т.С. Институциональные контексты одинокого материнства в России // Историческая демография. 2010. № 2 (6). С. 67–71.
16. Лыткина Т.С. Между традицией и инновацией: (вос)производство патриархата в традиционном свадебном обряде // Пол. Политика. Поликультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем / Материалы Седьмой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (9–12 октября 2014 г., г. Рязань). Рязань, 2014. Т. 1. С. 315–319.

17. Лыткина Т.С. Распределение власти в семье как фактор стратегий занятости и организации домашнего хозяйства // Рубеж. Альманах социальных исследований. 2001. № 16–17.

18. Лыткина Т.С. Социальное самочувствие и поведение сельских жителей Севера и Юга России (на примере Республик Дагестан и Коми) // Россия и современный мир. 2008. № 2 (59). С. 181–189.

19. Лыткина Т.С. Трансформация гендерного порядка: от традиции к современности. Опыт этносоциологического анализа Северного Кавказа // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 96–125.

20. Лыткина Т.С. Трансформация семьи и домашнего хозяйства. Опыт этносоциологического описания жизни табасаранцев // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 119–125.

21. Лыткина Т.С. Трансформация традиционной маскулинности на современном Северном Кавказе // Способы быть мужчиной. Трансформации маскулинности в XXI веке / Редактор-составитель И.Н. Тартаковская. М.: Фонд им. Генриха Бёлля – Издательство «Звенья», 2013. С. 235–249. URL: http://vvfauzer.ru/lab/lytkina/Transformation_Masculinity.pdf (дата обращения 06.06.2017).

22. Рубин Г. Обмен женщинами. Заметки о политической экономии пола // Хрестоматия феминистских текстов / Пер. под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Д. Буланин, 2000. С. 89–140.

23. Тартаковская И. Работа: а счастье – в труде? // Гендер для «чайников». М.: Звенья, 2006. С. 127–140.

24. Темкина А. Подчинение старшим и разрушение патриархата: женская сексуальность в браке (Северный Таджикистан) // Журнал исследований социальной политики. Том 4. 2006. № 4. С. 439–474.

25. Темкина А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

26. Ушакин С. До и после гендера. URL: <http://polit.ru/article/2012/06/21/ushakin/> (дата обращения: 22.11.2017).

27. Харчев А.Г. Брак и Семья в СССР. М.: Мысль, 1979.

28. Хоткина З. Женская безработица и неформальная занятость в России // Вопросы экономики. 2000. № 3. С. 88.

29. Чернова Ж. Модель «советского отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход. 2007.

30. Чернова Ж. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб.: Норма, 2008.

31. Юрчак А. Мужская экономика: «Не до глупостей, когда карьеру куешь» // О мужественности: Сб. статей / Составитель Ушакин С.М. Новое литературное обозрение, 2002.

32. Ярошенко С.С. «Женская работа» и личное благополучие: технологии исключения в постсоветской России // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 5. С. 23–58.

33. Aristarhova I. Women and Government in Bolshevik Russia at. URL: [www/warwick/ac/uk/fac_soc/cjmplastuds/wpap.htm](http://www.warwick.ac.uk/fac_soc/cjmplastuds/wpap.htm).

34. Ashwin S., Lytkina T. Men in crisis in Russia: the role of domestic marginalization // Gender and Society. 2004. Т. 18. № 2. С. 189–206.

35. Ashwin S., Tartakovskaya I., Ilyina M., Lytkina T. Gendering reciprocity: solving a puzzle of nonreciprocation // *Gender and Society*. 2013. T. 27. № 3. С. 396–421.
36. Knijn T., Smit A. Investing, Facilitating, or Individualizing the Reconciliation of Work and Family Life: Three Paradigms and Ambivalent Policies // *Social Politics*. 2009. N16 (4).
37. Lapidus G. The Interaction of Women's Work and Family Roles in the USSR. *Women and Work: An Annual Review*. 1988. № 3. С. 87–121.
38. Hochschild A. *The managed heart: Commercialization of human feeling*. Berkeley: University of California Press. 1983.
39. Hochschild Arlie and Anne Machung. *The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home*. New York: Avon Books, 1990.
40. Orloff A. From maternalism to “employment for all”: State policies to promote women's employment across the affluent democracies / *The state after statism*, edited by J. Levy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.